

Зюзько

Павел Анфиногенович

Детство, опаленное войной

Павлику Зюзько не было и семи лет, когда он осиротел. Умерла мать. Воспитание сына легло на плечи отца, Анфиногента Кирилловича, участника гражданской войны.

Долгими зимними ночами отец, бывало, рассказывал о своих однополчанах, о боях с белыми. И непременно воспоминания заключал словами:

- Не удалось им одолеть нас. Отстояли мы святое дело Ленина. Теперь вот новую, свободную жизнь строим. Красивой она будет, сынок...

Когда Пашка вошел в лета, пошел учеником к отцу в ремонтные железнодорожные мастерские. Смышленного парня заметили сразу, определили в железнодорожное училище. Дальнейший жизненный путь перед подростком открывался по зеленому свету светофора: прямым и ясным. Видел себя Павел железнодорожником, разбирающимся во всех тонкостях этого нелегкого дела, перещеголявшим родного батьку по всем статьям. И вдруг - война. Лютой ненавистью возненавидел Павел фашистов за то, что они хотели перечеркнуть его будущее, за которое боролся на полях гражданской его отец.

Пришел в военкомат Ленинского района проситься на фронт добровольцем. Военком выслушал его и категорически заявил:

- Понимаю тебя, сынок, но мал ты еще. -И, увидев искреннее возмущение парня, устало добавил, - а кто же заменит ушедших на фронт?- и улыбнулся, -ты, Павел Анфиногенович!

Правду сказать, не очень - то вдохновили его слова о высокой чести, искренне сказанные военкомом. Но пришлось вернуться домой.

Вести с фронта железнодорожники получали, что называется, из первых рук. Сюда, на станцию Омск, стали прибывать санитарные поезда с ранеными.

Слесарь Зюзько исправно ремонтировал вагоны, а в свободное время пытался завязать знакомства с начальством поездов. И вдруг счастье ему улыбнулось. Майор Беленький согласился взять его с собой на фронт. Санитарный поезд отправлялся на Запад поздним вечером. На счастье, отец в этот день работал в ночную смену. Павлик прибежал домой, вытащил из кармана хлебную карточку, полученную еще днем, и на обороте ее написал: «Отец, не обижайся. Пойми меня, Напишу, батяня, тебе с фронта». На дворе, когда он писал эти строки, был май 1943 года,

В санитарном поезде майор уже приготовил ему красноармейскую форму. Урезали полы, подогнали, хотя все равно видно было - с чужого плеча. А Павлик был счастлив: ее подарил для него раненый солдат, находящийся в поезде.

Длительная остановка случилась в г. Коломне, что под Москвой. Павлик, от нечего делать, пошел в город. И вдруг военный патруль.

- Сын полка?

- Так точно!

Документов при себе у него не было. Задержали, чтобы разобраться. И снова Зюзько повезло. «Суровые военные дяди» правильно парня поняли - не вернули домой. Определили его на краткосрочные курсы шоферов. В три месяца постиг он эту науку. А она была серьезной: собирали американские грузовики, которые присылали нам союзники. А потом? Потом был фронт. Шел уже 1944 год. Первое боевое крещение принял в Литве. До Дня Победы уже и близко, и еще далеко. Враг, почуяв свою смерть, сопротивлялся особенно яростно. В Берлин Павел вошел с полком, в котором (этим он и сегодня гордится) воевали сибиряки.

И сейчас перед его глазами стоят картины всеобщей радости солдат победителей у поверженного рейхстага.

- Закрою глаза и вижу знамя Победы, гордо реющее над рейхстагом, и поющие свои знаменитые «Валенки» Лидию Русланову, - говорит Павел Анфиногенович. - Такое, знаете, не забудется.

В письмах отец, наверное, умышленно умалчивал о бегстве на фронт, продолжает он, - когда вернулся домой, в полночь 23 февраля, как раз в праздник, День Советской Армии. Открыл он двери и вместо «здравствуй» воскликнул:

- Орел ты, сынок, настоящий орел!

Простил, значит...

А после побывки снова вернулся Павел в Германию. Служил еще пять лет.

...В колхоз «Заветы Ильича» Павел Анфиногенович попал в шестидесятые годы, считай, случайно. Но эта случайность обернулась для него вторым призванием - служить земле. Первое время работал шофером. Потом (сказалось военное ранение в голову) оставил баранку. Долгое время работал в животноводстве. А затем ушел в колхозную кузницу. До сегодняшнего дня занят этим очень нужным делом. И снова стал настоящим мастером.

«А волосы у него седые, совсем седые», - замечаю я.

И фронтовик, заметив мой взгляд, говорит:

- Я ведь уже тогда домой вернулся седым. Понимаете, мне двадцать пять лет, а голова седая. Война! Закурив, продолжал, - может быть, поэтому не хочется лишний раз рассказывать обо всем этом. - И вдруг, как бы спохватившись, - хотя нет, помните, как, сказал поэт Роберт Рождественский, «Это надо не мертвым - это надо живым». Особенно в наше тревожное время...

...Его позвали. Торопила уборочная страда, и кузнец должен стоять у горна. Сегодня он тоже на переднем крае. Как там, на фронте.

И Павел Анфиногенович как-то по-молодецки встал, коротко сказал «до свидания» и пошел. Я смотрел на его широкую спину и вдруг вспомнил слова песни революционных лет:

Мы кузнецы, и дух наш молод.

Куем мы счастья ключи...

15 ноября ему исполнится 58 лет. Дата, может быть, совсем и не юбилейная, но согласитесь, каждый год, прожитый ветеранами войны, для нас, людей послевоенного времени, всегда памятен.

Литература:

1. Лобанова, В. «Я уезжаю на фронт...» [Текст] / Лобанова // Нива. – 2000. – 12 мая. – С. 2.
2. Кадачигов, В. Детство, опаленное войной [Текст] / В. Кадачигов // Нива. – 1984. – 11 нояб. – С. 2.